

Письма къ читателямъ.

«Всестороннее развитіе сознанія человѣка и его сліяніе съ природой должно длиться до тѣхъ поръ, пока руки его не будутъ въ состояніи соприкасаться съ звѣздами, глаза его не будутъ видѣть сквозь землю, уши его не будутъ понимать языкъ звѣрей и птицъ, и, благодаря развитію его способности сочувствія, небо и земля не будутъ бесѣдовать съ нимъ».

Эмерсонъ.

Говоря объ эволюціи земныхъ существъ, д-ръ Штейнеръ нарисовалъ такую картину: „Когда земля была окружена холодными туманами, настолько густыми, что солнечный свѣтъ не проникалъ сквозь ихъ покровъ и тьма стояла надъ землей, живыя существа плавали среди этихъ тумановъ, передвигаясь посредствомъ ластообразныхъ конечностей, дыша органами, сходными съ жабрами, и не имѣя еще глазъ. Но туманы эти не висѣли неподвижнымъ покровомъ, они передвигались, и тамъ, гдѣ они мѣстами разрѣжались и становились менѣе плотными, солнечные лучи согрѣвали ихъ; приближаясь къ этимъ мѣстамъ, плавающія существа съ ластообразными конечностями испытывали удовольствіе отъ соприкосновенія съ грѣющимъ дѣйствіемъ солнечныхъ лучей и надолго задерживались здѣсь. Въ нихъ пробуждалось внутреннее стремленіе сохранить это пріятное ощущеніе, познать его сущность, войти въ болѣе непосредственное общеніе съ этой сущностью, и это внутреннее стремленіе положило начало органамъ зрѣнія“.

Картина эта даетъ ключъ къ эволюціи человѣческаго организма. Съ одной стороны, воздѣйствіе на организмъ извнѣ всѣхъ силъ природы, съ другой—внутри организма, въ невидимой лабораторіи духа—тяга воспринять дѣйствіе этихъ силъ, стать съ ними въ болѣе непосредственное соприкосновеніе, создать для этой цѣли проводники и развивать ихъ до тѣхъ поръ, пока искомое соприкосновеніе не достигнетъ возможной полноты. Усиліе чело-

вѣческаго духа *познать жизнь внѣ себя* создаетъ проводники, способные передавать ея разнообразныя вибраціи сознанію человѣка.

Вся эволюція организма состоитъ изъ растущаго взаимодействія между объективнымъ міромъ и внутреннимъ и изъ постепеннаго расширенія поля этого взаимодействия. Извнѣ—толчки, изнутри—отвѣтныя вибраціи, медленно творящія органы для воспріятія жизни извнѣ. Такъ создались физическіе органы чувствъ у человѣка, такъ же развивается и его психическая и духовная организациа. Только въ первомъ случаѣ на человѣка дѣйствовали стихійныя силы природы, во второмъ—дѣйствуетъ вся совокупность психическихъ и духовныхъ вибрацій, которыя со всѣхъ сторонъ бьютъ на него, будя отвѣтныя вибраціи внутри его мозга, сердца и нервной системы, какъ сказалъ бы европеецъ, внутри его „астральнаго и ментальнаго организма“, какъ скажетъ теософъ.

И здѣсь мы имѣемъ такое же взаимодействие, какъ и при построеніи физическаго организма. Безчисленныя воздѣйствія извнѣ всего культурнаго человѣчества и воздѣйствія, идущія изъ невидимыхъ міровъ, вызываютъ отвѣтныя вибраціи внутри человѣка, стремленіе стать въ болѣе полное общеніе съ ними. Вначалѣ удары извнѣ сильны, рѣзки и однообразны, какъ мы это видимъ въ жизни дикаря, но съ теченіемъ времени они все болѣе усложняются, дѣлаются все быстрѣе, разнообразнѣе, тоньше, и мы не можемъ даже вообразить, на нашемъ уровнѣ развитія, до какихъ предѣловъ можетъ дойти растущая быстрота и тонкость доступныхъ для человѣка вибрацій жизни.

Съ того наблюдательнаго поста, который доступенъ намъ, распознаваніе смысла жизни отъ того такъ и затруднено, что передъ нами, на міровой сценѣ, сталкиваются, борются и дѣйствуютъ люди, стоящіе на самыхъ разнообразныхъ ступеняхъ развитія, психическія и духовныя вибраціи которыхъ до того различны и часто такъ враждебны по самымъ свойствамъ своимъ, что ихъ столкновенія должны неизбѣжно порождать ту мучительную напряженность, сложность и неуравновѣшенность у дѣйствующихъ лицъ человѣческой драмы, которыя мы замѣчаемъ кругомъ. Безчисленные токи мыслеобразовъ, неустанно смѣняющіяся волны психической энергіи, въ которыхъ перемѣшаны всѣ элементы: и грубые, дикіе и злые, и смѣшные, и прекрасные, сливаются въ ту невидимую силу, которая бьетъ по внутреннему человѣку, какъ молотъ по наковальнѣ, и выковываетъ свойства, необходимыя для дѣятельной роли въ новыхъ условіяхъ наступающей ступени эволюціи.

Правда, молотъ бьетъ очень сильно и очень больно, но тотъ, кто умѣетъ проникать въ невидимое творчество жизни, знаетъ, что эти удары необходимы; въ міровомъ историческомъ процессѣ, такъ же какъ и въ исторіи отдѣльнаго народа и отдѣльнаго человѣка, одно и то же *не* повторяется: возможность измѣнить условія, которыя въ нашей власти сегодня, завтра замѣнятся уже другимъ соотношеніемъ силъ, а между тѣмъ большинство и до сихъ поръ еще такъ инертно, такъ крѣпко держится за призракъ мягкаго ложа, на которомъ хочется поспать еще и еще, что не будь этого громко звучащаго молота, жизнь двигалась бы чрезмѣрно медленно и оказалась бы невыносимой для болѣе дѣятельнаго меньшинства.

Кстати о темпѣ жизни. Одинъ изъ самыхъ ясныхъ признаковъ внутренняго прогресса—сильное ускореніе темпа жизни. Мы уже не будемъ говорить о той исчезнувшей изъ нашего сознанія дали, когда развивался физическій организмъ человѣка, когда природа съ неистощимымъ терпѣніемъ помогала ему создавать физическіе органы чувствъ; здѣсь жизнь двигалась съ такой медленностью, которую намъ трудно даже и вообразить. Но если взять даже жизнь дикаря, обладавшаго уже вполне развитымъ физическимъ организмомъ, она, *для нашего темпа*, протекала безконечно медленно, повторяя безчисленное число разъ все одни и тѣ же несложные уроки первобытной жизни. Съ появленіемъ общественнаго быта и государственнаго строя, съ воздѣйствіемъ всего разнообразія различныхъ культуръ, темпъ жизни все болѣе ускорялся, и мы знаемъ изъ эзотерическихъ ученій, что послѣднія ступени человѣческой эволюціи будутъ безконечно быстрѣе, и не только по сравненію съ ея началомъ, но и съ переживаемымъ нами срединнымъ цикломъ.

Медленность и быстрота темпа нашей эволюціи въ полной зависимости отъ того, который изъ полюсовъ сложной человѣческой природы преобладаетъ. Высшій полюсъ человѣка—его бессмертное божественное начало,—влечетъ человѣка впередъ и вверхъ къ совершенству. Низшій полюсъ—животно-личный является противодѣйствующей силой, которая въ постоянной борьбѣ съ высшимъ полюсомъ и тянетъ человѣка назадъ.

Въ результатѣ этой борьбы развивается человѣческая *индивидуальность*, которую на западѣ такъ часто смѣшиваютъ съ *личностью*, внося этимъ смѣшеніемъ большую путаницу какъ въ анализъ историческаго процесса, такъ и въ психологическія понятія европейца.

Кромѣ животнаго начала, общаго всѣмъ животнымъ организмамъ, и личнаго, которое можно ясно видѣть и у наиболѣе развитыхъ домашнихъ животныхъ, каждый человѣкъ владѣетъ высшимъ началомъ, котораго у животнаго нѣтъ. У дикаря оно—лишь въ зародышѣ, у высокоразвитаго человѣка выражается ясно въ его творчествѣ, у идеальнаго человѣка, приближающагося къ Богочеловѣчеству, сіяетъ уже ярко и всѣми своими свойствами говоритъ о безконечно болѣе широкомъ сознаниі, чѣмъ сознание ограниченной мѣстомъ и временемъ личности. Индивидуальное начало отличаетъ человѣка отъ всего животнаго царства; оно выражается двумя признаками: *самопознаніемъ* и *творчествомъ*.

Если мы возьмемъ самое развитое животное, способное къ дрессировкѣ и преданное своему хозяину, мы найдемъ въ немъ иногда ясно выраженныя личныя свойства, но индивидуальности, *сознающей свое я и способной къ творчеству*, мы въ немъ не найдемъ, какъ бы далеко въ глубь вѣковъ не обращалось наше разслѣдованіе. Самому умному слону нѣтъ никакого дѣла до судьбы и достоинства всей слоновой породы, для него не существуетъ историческаго процесса, который въ дѣйствительности ни что иное, какъ различные этапы развивающагося *самопознанія*; или, если мы возьмемъ собаку или лошадь и окружимъ ее на протяженіи любого періода—хотя бы то были тысячелѣтія—самыми прекрасными произведеніями искусства, ни въ собакѣ, ни въ лошади не разовьются художественныя свойства, но не вслѣдствіе недостаточно развитой нервной системы, а потому, что въ ихъ внутренней сути нѣтъ необходимаго для того условія. Животное обогащаетъ своимъ личнымъ опытомъ не себя, а общую душу того вида, къ которому принадлежитъ, изъ его опыта создаются инстинкты, полезныя для всего вида; вотъ почему отдѣльное животное не отвѣтственно за свои дѣйствія и не способно къ индивидуальному творчеству. Лишь человѣкъ представляетъ собою *отдѣльный міръ*, сознающій свое я и набирающій опытъ для эволюціи этого я; онъ одинъ отвѣчаетъ за свои дѣйствія—„создаетъ свою карму“, какъ выражаются на Востокѣ; онъ одинъ способенъ на индивидуальное творчество. У животнаго высшее начало—*личное*; у человѣка оно—низшее и умираетъ вмѣстѣ съ физическимъ организмомъ. Этимъ различіемъ между индивидуальнымъ и личнымъ началомъ слѣдуетъ овладѣть какъ можно лучше, потому что различіе это даетъ ключъ къ вѣрному анализу сложныхъ процессовъ внутри человѣческой души. Личное начало въ человѣкѣ стремится къ *самоутвержденію* и къ *обособленности*;

оно жадно претворяетъ въ себѣ все, что можетъ захватить для себя, оно—центростремительно. Орудіемъ его являются нервная система и мозгъ, выразителями—интеллектъ и личная любовь, которые кончаются вмѣстѣ съ личной жизнью человѣка. Высшее начало человѣка—стремиться къ самопознанію и къ единенію; оно расширяется не поглощеніемъ чужихъ жизней, а участіемъ въ нихъ, оно не захватываетъ, а отдаетъ себя, оно—центробѣжно. Орудіемъ его являются высшіе органы чувствъ *), которые еще въ зачаткѣ у большинства людей, а выразителемъ—совѣсть, интуиція и сверхличная любовь, которыя не угасаютъ со смертью личности, а служатъ нетлѣннымъ содержаніемъ безсмертной человѣческой души.

Да не подумаетъ читатель, что я хочу умалить значеніе личности. Чѣмъ ярче, талантливѣе и оригинальнѣе личность, тѣмъ сильнѣе ручательство, что и высшій полюсъ этой яркой личности разовьется въ большую индивидуальную величину. Личное начало необходимо какъ переходъ отъ животнаго полюса къ божественному, но нужно твердо помнить, *что есть нѣчто высшее, и къ этому высшему стремиться*. Питая и обоготворяя свою „личность“, мы идемъ къ эгоизму, задерживаемся на низшей ступени, слѣдовательно мѣшаемъ истинному прогрессу. Обуздывая ее и заставляя служить высшему, мы дѣлаемъ изъ нея подножіе развивающагося внутри насъ Бога и содѣйствуемъ истинному прогрессу.

Какой же выводъ можно сдѣлать изъ этихъ бѣглыхъ указаній на внутреннюю эволюцію человѣка?

Съ европейской точки зрѣнія, не признающей перевоплощенія, познать истиннаго человѣка, или хотя бы отчасти разрѣшить темную загадку о человѣкѣ, невозможно. Оставаясь на этой точкѣ зрѣнія, мы всегда будемъ стоять передъ безмолвнымъ сфинксомъ, таинственно вперяющимъ въ насъ свой загадочный взоръ. Если бы онъ заговорилъ, мы услышали бы отъ него приблизительно такія рѣчи: „Вы не понимаете человѣка потому, что смотрите на него, какъ на законченное существо, тогда какъ въ дѣйствительности онъ подлежитъ постоянной перемѣнѣ. Въ настоящемъ вы совсѣмъ не тѣ, что были въ прошломъ, и въ будущемъ вы будете совсѣмъ иными. Воплощенный человѣкъ—лишь часть безсмертной индивидуальности, которая есть и корень и центральная причина всей проявленной жизни. Облекаясь въ

*) Высшіе проводники человѣка, которые въ теософической литературѣ носятъ названіе астральнаго и ментальнаго, находятся еще въ періодѣ развитія.

многочисленныя воплощенія, переходя отъ существованія къ существованію, ваша безсмертная душа строила постепенно то тѣло, которымъ вы обладаете нынѣ, медленно развивала мозгъ и нервную систему, которыми вы пользуетесь какъ орудіемъ, чтобы собирать опытъ и соприкасаться съ мірами внѣ васъ. Цѣль вашего страдальческаго опыта—совершенное раскрытіе всѣхъ многочисленныхъ сторонъ вашего сознанія, полное выявленіе всей силы, красоты и величія, сокрытыхъ въ той частицѣ Жизни Бога, которой одаренъ каждый человѣкъ. Ваше прошлое—необозримо, и ваше будущее не имѣетъ предѣловъ, и правъ былъ вашъ философъ-поэтъ, когда говорилъ о человѣкѣ, „руки котораго будутъ соприкасаться съ звѣздами, который будетъ видѣть сквозь землю, понимать языкъ звѣрей и птицъ и отзываться на мысли неба и земли, когда послѣднія будутъ бесѣдовать съ нимъ“.

Относительно внѣшней эволюціи, которая на Западѣ носитъ названіе историческаго процесса, рѣчь будетъ въ слѣдующемъ письмѣ.

Другъ читателя.

Какъ масло находится въ сѣмени кунжута; какъ масло находится въ кисломъ молокѣ; какъ вода находится въ водныхъ потокахъ; какъ огонь находится въ деревѣ, такъ и Я созерцается въ Я тѣмъ, кто стремится познать Его черезъ посредство всеобъемлющей любви и власти надъ тѣломъ и духомъ.

Въ воздухѣ не остается слѣда отъ пролетѣвшей птицы; въ водѣ не остается слѣда отъ проплывшей рыбы; такъ-же несповѣдомы пути познавашаго Я.

Кто постигнетъ Духовное Сознаніе, вознесется надъ смертію и пріобрѣтетъ безсмертіе.

Познаніе своего Я не нуждается ни въ какомъ другомъ знаніи; само Я есть совершенное знаніе; лампа не нуждается для горѣнія въ огнѣ другой лампы.

Единое вѣчно-лучезарное скрыто въ каждомъ существѣ. Оно проникаетъ каждую вещь и есть Внутреннее Я всего. Оно—свидѣтель всяческаго дѣянія, всеобъемлющее прибѣжище бытія, безстрастный зритель, всеобъемлющая мысль, единое, не имѣющее свойствъ.

Побѣждаетъ одна только Истина, не ложь.

(Изреченія изъ „Упанишадъ“).